

Т. И. МОКРОНОСОВ

Резж

СВАДЬБА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ¹

В период, когда моя будущая жена еще сидела в девушках с подругами, начинались предсвадебные торжества.

Первое — это *«вечеринка»* в доме невесты. Вечеринка заключалась в том, что собиралась молодежь со стороны жениха, а также лица, которые будут принимать участие в свадебном поезде. К числу их относились крестный жениха, крестная, братья моего отца, вернее, их семьи. Молодежь приглашалась не считаясь строго с возрастом, но обязательно, чтобы это были холостые.

Второе — *«просватанье»*. По договоренности отцов жениха и невесты назначался день первого крупного свадебного угощения у невесты. На просватанье ездили со стороны жениха по два—три человека от каждой семьи, т. е. семьи, перечисленные мною, когда мы ездили на вечеринку. Когда мы подъехали к дому моего будущего тестя, нам открыли ворота и нас принимали не только члены семьи моей невесты, но тут были и все будущие наши гости как в свадебный, так и в боярский день. Эти встречающие были: мой будущий свояк с женою, т. е. с сестрою моей невесты, и семьи братьев моей невесты.

Нас с невестой посадили в передний угол рядом. Начался пир, да пир такой, что если бы наши приезжие гости пили бы все спиртное, что им подавалось, то они не просидели бы половины положенного времени, а тут же бы и уснули за столом. Кушаний разных было наготовлено сверх всякого ожидания.

Приезжие гости сидели за столами и *«жеманились»*, никто с тарелок сам ничего не брал, даже ложки и вилки и то гостям по-

¹ Публикация вычленена из большого рукописного труда — своеобразной энциклопедии жизни уральских крестьян в канун революции и после нее. Она является уникальной по полноте, последовательности, детальности описания основных этапов свадебного обряда. Насыщенный этнографическими подробностями, обряд несомненно заинтересует историков материальной культуры, а также фольклористов, которые найдут в нем описание конкретных условий исполнения и тексты свадебных песен, сюжеты народных легенд. Сохраняется стиль автора.

Т. И. Мокроносов родился в 1898 г. в с. Леневском Режевского р-на Свердловской обл. в крестьянской семье.

давали с подноса. Перед гостями были наложены груды разных пирогов и постряпушек. Столы не вмещали разного рода кушаний и угощений, в этом случае на первый ряд пирогов ставили второй ряд. Изобилию угощений можно бы позавидовать в любое время прожитой мною жизни, но, однако, дело без курьезов не обошлось. Каким-то образом моя мать оказалась без поданной ей ложки, видимо, считала это ниже своего достоинства, как будущая свекровь. И после этого просватанья она десятки лет обвиняла мою жену, что невеста недосмотрела за нею как за гостьей.

Просватаньем этим был задан тон, как они способны угощать людей и какого угощения следовало бы и им ожидать взаимно.

В основу этого первого угощения приезжих гостей во время просватанья, видимо, был положен обычай подвергать гласности предстоящую свадьбу; угощение рассматривается как первое знакомство с предстоящими взаимоотношениями родни с родней. На просватании все гости и угощающие один другого называют по имени и отчеству, а не сват или сватья и т. п. Основанием такого взаимоотношения было то, что венчание молодой пары еще не состоялось.

Спустя 10—15 дней точно такая же церемония повторяется, и угощение опять же у отца невесты. Только и разницы, что эта церемония называется «обручение». Смысл этого слова и разница с просватаньем заключается в том, что в этот приезд гости угощающим их подают руку: не то здороваются, не то, как это бывает при покупке крупного скота и лошадей, когда покупатель и продавец бьют ладонями руки один другого, свидетельствуют, что дело слажено. Так, видимо, и здесь: раз один другому, гости и угощающие, подали руки, то, значит, уж «дело в шляпе», и никакая сторона от обусловленного не откажется. На этом же обручение мой отец вручил отцу невесты обусловленные на просватке 40 рублей за невесту. Выплата этих денег характеризует собою нечто вроде калыма, долгое время сохранявшегося у восточных народов. Эта сумма была непостоянная и колебалась у нас от 10 до 100 рублей, что обговаривалось нашими отцами при первой просватке, а выплачивалось именно в обручение.

Как в просватке, так и в обручении невеста на блюде подносит подарки жениху, его отцу и матери. Кроме их, она дарит еще крестного и крестную жениха. Остальным гостям до свадьбы дары подносить было не положено, и они их не ожидали.

Свадебный день. День этот отличался большими заботами и беспокойством не только родителей жениха и невесты, но и всех их родичей, а также и приглашенных стряпух, которые сегодня будут угощать гостей, а следовательно, и держать перед ними экзаме́н на приготовленные ими пироги и другое угощение. Крестный жениха, бояра и прочие — все те, кто поведет к себе «беседу», т. е. кто ездил на просватанье и обручение, сегодня запряга-

ли лучших лошадей, одевая на них сбрую с до блеска начищенными медными бляхами на узде, хомуте и седелке, все они съезжались к жениху. Как гости, так и все находящиеся в доме надевали на себя лучшие одежды. Особо старательно одевали меня, как жениха. После того, как меня одели, отец еще дал мне кой-какое напутствие, как себя вести. Напутствование еще больше пришлось мне получить от крестного, который меня обучал, как отвечать на возможные замысловатые вопросы будущего тестя. Если отец невесты спросит, буду ли я поить и кормить его дочь, то я должен был ответить: «Были бы зубы—сухарей не перегрызть», а на вопрос, будем ли обувать, одевать, я должен ответить: «Были бы ноги—лаптей не переносить» и т. д.

Когда вся подготовительная церемония была закончена и гости со стороны жениха были в сборе, отец зажег свечи перед иконами, и все молились, а помолившись, вышли из дома и сели в кошевы. Мой отец и мать остались дома: им не положено было ехать в церковь вместе с женихом, т. е. их сыном. Жениха и дружку вез крестный, а за ними ехали и все остальные наши гости. Наш путь был—поехать за невестой, чтобы вести ее в церковь под венец. Невесту сопровождали ее подруги, ее крестный, крестная и провожатые—гости со стороны невесты. Отец и мать невесты в церковь тоже не ездили. Это не положено было.

Когда подъехали к дому невесты, нас спокойно встретили и выпустили во двор. В дом пошли крестный и крестная жениха, а впереди их шел дружка с плетью. Процедура провожания невесты под венец была особенно важной. По этому случаю наблюдающих было столько, что они не вмещались в дом. Люди стояли в сенях, на крыльце и даже у окон дома. После непродолжительного времени, как дружка с крестным и крестной вошли в дом, в доме поднялся вой. Это обозначало, что у невесты «отнимают косу». Операция отнимания косы заключалась в том, что невеста плачет с причетами и свою косу не позволяет расплести, а ее подруги, невзирая на слезы и сопротивление, стараются отнять косу и расплести ее. Чем дольше шла эта борьба, тем эффективней считалась эта операция. Воет и причитает невеста, навзрыд плачут ее мать и отец, да не только плачут ее родимые, а плачут и прибывшие посетители, тем более, кто слаб на слезы. Это создает впечатление, что как будто в доме кто-то скоропостижно скончался или готовят покойника к выносу. Но так или иначе слезы постепенно утихают и у невесты, и, когда отняли косу, невесту начинают одевать под венец, в подвенечное платье. На этот раз при заезде нашем к невесте никакого угощения не было.

Невесту одели и подготовили к венцу, после чего ее крестная и подруги выводят и усаживают ее в свою кошеву, в которую запряжена тоже лучшая лошадь. Открываются ворота, и на передней лошади мой крестный и мы с дружкою выезжаем первыми, за нами везут невесту с крестной и подругами, а сзади едут и гости жениха и кой-кто из близких родичей со стороны невесты.

Весь этот «обоз» направляется в церковь и там сначала молится во время службы.

После окончания службы дошла очередь и до нашего венчания. Желающих посмотреть венчание было очень много. Поскольку я был одним сыном у своих родителей, да к тому же религиозных, нашу свадьбу венчали и с участием хора, и, как говорят, был зажжен весь свет, т. е. было зажжено и большое паникадило. Иначе говоря, венчание было на высшем уровне того времени.

А дома наши родители готовились к принятию гостей. Накрывались столы с угощениями. Кроме того, в доме невесты укладывали на сани приданое, которое сегодня нужно будет везти в дом жениха. И в дом жениха, и в дом невесты приглашались «званные гости»: это соседи и более дальние родственники. Для привязи лошадей во дворе натягивалась веревка. В дом жениха и невесты натаскивалось душистое сено и раскладывалось по полу. Сено натаскивалось или с целью сберечь пол от обильного загрязнения, или для благоухания. В передние углы и того и другого дома на лавки клали катанные из шерсти «потники» (войлоки). Кроме родителей хлопотали и другие помощники. К примеру сказать, у ворот невесты собирались и соседи, и дальние родственники, и они каждый что-нибудь инсценировал: кто «рубит» дрова, «чешет» лен, кто «прядет», и чего-чего только не придумают.

После того как свадьба была повенчана, крестный сажит жениха в свою кошеву, а на колени ему — венчанную невесту. Все остальные участвующие в поезде садятся в свои кошевы, и поезд всем составом направляется в гости к родителям невесты. Когда мы подъехали к дому невесты, то у ворот их дома был полный «заслон» ряженных, и, чтобы заехать во двор, этот «заслон» нужно было «расчистить». Расчистка заключалась в том, что каждому нужно было подать рюмку или стопку водки. Выпивший стопку водки («дроворуб», «прялка» или там еще кто-то) обязан был уходить с занятой «позиции». Правда, охотники до водки еще целились где-то пристроиться, и этот номер удавался, но это уже было сверх положенного. Когда заехали во двор и все прибывшие вышли из кошев, началась церемония «сходятся свахи». Процедура эта заключалась в том, что перед крыльцом дома расстилалась большая кошма, на одну ее сторону становились две женщины, одна из них — крестная невесты, а другая — тоже какая-то женщина из близких родственников невесты, которая, как и крестная невесты, называлась тоже свахой с невестинной стороны. На другой конец кошмы становилась крестная жениха и тоже родственница с жениховой стороны. Свахам подают в руки по рюмке вина, и они начинают одна другой кланяться. Вино, как у ворот подавалось крестным жениха, так и здесь подается с жениховой стороны. После двух—трех поклонов свахи, жеманничая, понемногу испивают вина из рюмки, и свахи жениха делают шаг вперед, т. е. приближаются к свахам невесты, после этого и свахи невесты делают шаг вперед. Снова кланяются свахи жениха

свахам невесты, а невестины свахи — жениховским и опять понемногу пьют вина. И когда состоятся третьи поклоны, свахи допивают вино, ставят рюмки на поднос и здороваются, целуясь по русскому обычаю: сначала соприкасаясь правыми щеками одна с другой, а потом левыми, и третье соприкосновение — целуют одна другую в губы. Церемония свих заканчивает процедуру встречи свадьбы и у ворот, и во дворе. После этого всех гостей приглашают в дом невесты.

В доме невесты всех гостей ласково встречают, происходит здорованье с рукопожатием, а там гостям помогают раздеваться и усаживают их за стол. За стол гости садятся по строгому порядку: в передний угол садят только что венчанных молодых. По правую руку к жениху садят его крестного, подле крестного садится дружка, а по левую руку невесты садят крестную жениха. В ряд с дружкой садят остальных мужчин из числа приезжих гостей, т. е. родичей жениха. В ряд же с крестной жениха садят приезжих гостей — женщин, тоже родичей жениха. В прихожей за столы усаживаются званные гости. Когда все гости усажены за столы, начинается исключительно щедрое угощение, так как этот пир считался самым главным во всех свадебных торжествах.

В то время, когда началось угощение гостей у тестя, «проводжатые» — брат моей молодой жены и мой свояк, муж сестры моей жены, — запрягли лошадей, посадив с собою своих жен, и повезли приданое невесты в дом жениха. Провожатых в нашем доме ласково встретил мой отец, запустил во двор, поздоровавшись с ними. Начинается новая процедура — «выкуп приданого». Находившиеся в нашем доме родичи, которые не участвовали в свадебном поезде, выходят тоже во двор и целются приданое унести в дом, а проводжатые приданое «задерживают», в этом случае требуется проводжатым подавать хорошее вино и закуску. Так сундук за сундуком «выкупаются» и после этого уносятся в дом, а там крестная невесты и жена ее брата вскрывают сундуки, вынимают из них скатерти, полотенца, шторы и т. д. и начинают их размещать по своему назначению. Скатерти, имевшиеся до этого на столах, заменяются скатертями невесты, развешиваются полотенца невесты, а также шторы, занавески. Как только на стол постлали скатерть и клеенки, привезенные в приданое, стряпухи начинают наносить на стол угощения для предстоящего торжества в доме жениха в этот вечер. Это угощение называется «стол у жениха». Когда прибрано все на место, проводжатых проводят в горницу и там усаживают за стол и угощают.

Угостив гостей у невесты, приезжие гости с «молодыми», т. е. венчанными женихом и невестой, поблагодарив хозяев родителей невесты за угощение, приглашают их к «столу», т. е. торжеству и пиру, который сегодня состоится в доме жениха. Гости выходят во двор, им подводят лошадей, и они усаживаются в свои кошевы, а «молодые» садятся в кошеву ко крестному, им открывают

ворота, и они все, т. е. гости, подвыпившие за столом моего тестя, с гиканьем проезжают по улицам нашего села или, как это называлось, «катались по деревне».

Прокатываемся на лошадях пару окружек по селу, весь обоз с гостями заезжает во двор к жениху, туда же приезжает тесть с тещей и другие их близкие родичи, приглашенные нашей стороной (моими родными).

Когда все гости собрались в дом жениха, начинается церемония «стола». Нас, молодых, со двора вел дружка, и как только он нас завел в дом, начал выговаривать положенную ему речь:

«Батюшка родимый, матушка родимая, встречайте и благословите нашего князя молодого с его княгиней молодой, богом благословите, хлебом с солью накормите» и т. д.

Мой отец снял с божницы икону, а мать на большой тарелке держала буханку свежеспеченного хлеба, и на этой же тарелке стояла солонка с солью.

Мы с молодою женой помолились на икону, а потом пали на колени и кланялись в ноги моим отцу и матери. После этого вставали на ноги и склоняли свои головы перед отцом, а он нас слегка крестообразно стучал иконою по голове. После чего мы крестились и целовали икону, а затем подставляли головы перед матерью, и она нас также крестообразно благословляла хлебом. После благословения хлебом жених и невеста каждый от буханки должен откусить, что мы и проделали.

Здесь снова одна из особенностей церемонии, которая якобы имеет свои последствия. Если жених откусит хлеба на крупный жевок, то дети у молодых будут крупные, а если откусит он небольшой кусочек хлеба, то дети будут мелкие, т. е. низкорослые и хилые. Точно также следят и за невестой, и те же приметы.

После благословения родителями мы с женой стали делать подарки, а в народе говорят «дары». Эта церемония заключается в том, что я с подноса отцу и матери подавал по рюмке вина, после этого мы с женой падали родителям в ноги, они сколько-то выпивали вина, а моя жена положила дары на большую тарелку, обернутую головным белым платком. После родителей дарили крестному, крестной, бабушке и т. д.

После окончания даров нас с женою, как молодых, посадили за стол, за стол посадили тестя, тещу, крестного невесты, крестную, провожатых и всех гостей, приехавших со стороны невесты.

Начался стол — это один из главных пиров у жениха в день свадьбы. В этот вечер угощать начинали с подачи на стол рыбных пирогов, закуски, жареного и других блюд, а подача чая на стол была позднее обеда, тогда как любое другое угощение в деревне начиналось с чаепития, а потом — рыбные пироги и обед. Так было не только на свадьбе, но и в любой праздник, в любую гулянку.

Стол начинался с того, что меня с молодой и свах отгородили большой шалью. Началось «обручение» молодых — это такая спе-

рация, когда свахи, сняв с моей молодой платок, расчесывают ей волосы, которые до сего времени были распущены после «отнятия косы». Волосы заплели в две косы, а после этого подвязали ее шелковой фальшенкой «по-бабы», т. е. по форме замужней женщины. Когда свахи закончили и проверили окучивание молодых, покрывало, отделяющее нас от остальных сидящих за столом, сняли. Перед глазами десятков гостей и любопытствующих предстала молодая, числящаяся до этого невестой.

После окучивания молодых началось угощение приезжих и званых гостей. То там, то в другом месте было слышно «вино горькое, пить нельзя». Это означало, что мы со своею молодой должны встать, один другого должны промко назвать по имени и отчеству, а потом поцеловаться русским порядком. После этого гости выпивают всю до дна поданную им рюмку или стопку вина. Выпьют и хвалят, что вино стало очень хорошее. Но вот еще условный сигнал, и в wine, поданном гостям, оказываются «мошки» или «мухи» — это более требовательный вызов. Мы снова с молодой встаем и на этот раз называем гостя по титулу: «крестная матушка», «бабушка родимая», а соседа — «дяденька» и т. д.; после титула гостя называем по имени и отчеству. После того как назван гость, мы предупреждаем: «Слушайте» — и называем один другого по имени и отчеству, держа обеими руками друг друга за уши, и снова целуемся. Изнурение молодых на этом не кончается — там перепутали имя или отчество то молодого, то молодой — и снова надо повторять ту или иную операцию поцелуя.

Во время этого торжества певуны из числа стряпок и званых гостей поют свадебные песни, вроде таких:

Розан мой розан, виноград зеленый.

Кто у нас хороший, да кто у нас пригожий?

Трофимушко хороший, Иванович пригожий.

Розан мой розан, да виноград зеленый.

Стал он на коня садиться, да конь под ним резвится,

Розан мой розан, да виноград зеленый.

Пели и такую песню:

Гости у нас, дорогие у нас.

Есть у нас дорогой гостенек,

Есть же у нас дорогой гостенек.

Ой, сватцу Егор Поликарпович.

Есть у него молодая жена,

Сватцу Манефа Ивановна,

Ой, сватцу Манефа Ивановна.

Муж винца изольет да жене поднесет:

Выпей чару, Манефа-душа, выпей чару, Ивановна.

На здоровье, на здоровье, на здоровьице пришло.

На здоровьице пришло, да не болело бы ничто.

Кому чару пить, тому доливать.

Выпей чару, Егор-душа, выпей чару, Поликарпович...

Последнюю часть песнопения поющие заканчивают переходя в пляс перед столом.

Гости, о ком поются припевки, берут рюмки с вином в руки и стоят на ногах. Как только про гостя допели песню, он полностью выпивает рюмку — это его обязанность. Пробыв за столом около двух часов, дружка поднялся со своего места, вышел из-за стола и начал свое словословие: «Батюшка родимый, матушка родимая, пиру мир да согласие, а молодым — покой да счастье...» Затем дружка вывел нас из-за стола и стал продолжать: «Благословите нашего князя молодого с его княгинию молодой на отдых да на покой». После этого мы стали падать в ноги отцу, а потом моей матери, и они благословили нас на отдых словами «бог да благословит». После этого дружка повел нас в нашу зимовку, «на подклет», после некоторого напутствия, не подлежащего здесь огласке, он подвел нас к постели.

Утром к нам явились свахи, моя крестная и крестная моей жены, они предложили нам сменить белье, т. е. переодеться, забрали и простыню с постели и все это от нас унесли. Мы снова остались одни. Через некоторое время нам принесли пельмени, нас покормили и снова оставили одних. Так этот день нас никуда в компанию не водили, мы были одни — «отдыхали».

Существовал еще один обычай — это «мытье в доме жениха». Он характерен был такой особенностью, что женщины, родичи жениха, одевались в мужские костюмы. Наденут брюки, какие-то короткие шубы или стезонки, а на голову обязательно шапки, садятся верхом на лошадей и, выстроившись в ряд, на 8—12 лошадей с песнями ездят по улице. Это было привлекательное зрелище. Чтобы было потеплей да повеселей, жених угощал этих «всадников» водкою, и, подпив, они были и более голосистыми, и более находчивыми на какие-то придуманные ими номера. Они подъезжали к кому-то из своих родичей, к дому, и приглашали «мыть в доме жениха». Более бойкие и находчивые приговаривались к рюмочке водочки, и им это часто удавалось.

В определенный условленный день «мытницы» собирались в доме жениха, и начиналось мытье в доме. Мытье в доме, скорее, было инсценировкой или формальностью, но все же сколько-то мыли, а потом их сажали за стол и угощали. На обязанности жениха было запрячь лошадей в возовую кошеву, в ней обеспечить сидения: для этого на заднюю часть кошевы привязывалась доска, которая свешивалась по бокам, и на нее могли сесть 5—6 мытниц. За кошеву сзади привязывались большие санки или подсанки. Угостившись, мытницы большей частью переодевались кто во что вздумает, до такой степени маскируясь, что их трудно было и распознать. Из числа их двое, более энергичные и находчивые, — одна одевалась мужчиной, а вторая женщиной — садились на подсанки, привязанные к кошеве. Когда мытницы уселись в кошеву, то я их повез кататься по улицам нашего села. Если у ряженных всадников было положено петь какие-то проголосные

песни, то после мытья в доме мытницы пели что вздумается. Дело доходило до того, что, едуци по улице, на ходу они в кошеве находили место прыгать, изображать пляску и что только не придумают.

Боярский день и блинный день. На второй день после стола утром часов в десять в наш дом стали собираться гости, мои родичи, а к 12 часам дня на лошадях подъехали гости—родичи моей жены. В этот день гулять со всеми гостями не положено было родителям жениха и невесты. Никакого участия в этом гулянии боярского дня не принимают также молодые. Мы этот день находились на отдыхе.

Когда собрались все гости в наш дом, то мой отец и мать гостей приезжих, т. е. родственников моей жены, усадили за столы и стали старательно угощать. Просидев за столом положенную «беседу», приняв полное угощение, гости вышли из-за стола и поблагодарили моих родителей. Их пригласили прокатиться по деревне. Лошади и кошевы для гостей были поданы моими родичами, а лошади родичей моей жены были отведены по своим домам. После того, как гости прокатились на лошадях одну—две окружки, поехали к моему крестному, который вел «беседу» в этот день. У крестного всех гостей невесты посадили за передние столы, а за задними столами усаживали «званных гостей» — их соседей и родственников, кого находили нужным пригласить. Таких приглашенных гостей, как правило, было до тридцати, а иногда и больше человек. Усадив гостей за столы, начинали пир. Отсидев за столами 2—3 часа, гости выходили, отблагодарив хозяев, и, немного поплясав под гармошку, усаживались в кошевы и снова ездили кататься по деревне.

Проведя затем комплекс угощения у крестной, гости снова ехали кататься, а потом гостить к большим и малым боярам и так, переезжая из одного дома в другой, гости были заняты до глубокой ночи.

Боярский день справлялся на второй день свадьбы, а блинный день положено было справлять на третий день. В боярский день утром рано дружка навещал молодых, которых накануне уложил спать, и осведомлялся: «Все ли в порядке?»; а вот в блинный день утром он идет и уводит нас в передний дом, т. е. в дом, в котором справляются гуляния по случаю свадьбы. Наступил самый ответственный момент для молодой жены, а также для тещи и тестя. Все гости, как приезжие, так и со стороны меня, находятся в большом напряжении, так как последние 10—20 минут должны будут или «скрасить» свадьбу или, как говорят, «повернуть все вверх дном». Дело в том, что моя жена выходила замуж «с ленточкой» — это как заверение, что она никому ранее не принадлежала, что замуж она выходит девственной. Это же отображали букеты, нашитые на грудь каждого гостя как с жениховой, так и с невестинной стороны. В честь такого доказательства на столе у невесты да и у жениха в день свадьбы стоял наряженный цветами

и лентами графин, а когда кончилась свадьба, то невеста свою ленточку положила в Евангелие. Все это форма, а вот что сделает и скажет жених или сейчас молодой?

Мы заходим в дом, моя теща стоит ни жива ни мертва: чем, мол, дело обойдется? Немного лучше тещи стоит мой тесть. С молодой женой я шел по строгому порядку, держа ее левою рукою за правую руку. Сделав общий поклон всем гостям, мы прошли ко столу. На столе стояли графин с водкою, поднос и три рюмки. Я взял со стола графин с водкою, налил три рюмки водки и, держа на подносе рюмки с налитой водкою, подошел со своей женой к тестю и теще, подал им по рюмке водки, после этого поднос с последней рюмкой я подал жене, а сам пал на колени против тестя и тещи, благодаря их за хорошее воспитание дочери. Потом с подноса взял рюмку водки и ею чокнулся с тестем и тещей, после этого, чуть-чуть испив содержимое, рюмку поднес жене. Она тоже немного испила, и я после этого допил остаток водки из рюмки, и рюмку с силой бросил на пол, и рюмка разбилась на мелкие кусочки. После этого и тесть с тещей выпили налитое в рюмки. Сразу же все ожило, повеселели мой тесть и теща, повеселели и все гости. Моя благодарность тестю и теще и то, что я разбил рюмку, — все это было подтверждением честности моей жены. Мой крестный Иван Алексеевич взял стоявшую на лавке гармошку и начал в нее громко играть, при этом сказал: «Ну вот, сейчас погуляем!».

Вскоре мою молодую жену позвали печь блины. Испекла она их 2—3, а блинов и до этого уже была испечена не одна сотня, и сразу же она понесла блины гостям. Угощение блинами почему-то было предусмотрено начинать со старших. Я подавал рюмку вина, а моя жена подавала блин.

Разнеся несколько штук блинов гостям, мы с женою стали ухаживать за гостями как главные виновники торжества. Гостей приезжих да и своих родичей мы приглашали и усаживали за стол. В переднем углу сидели тогда мой тесть и теща, подле тещи была посажена крестная моей невесты, а подле тестя—крестный моей жены. Друга был посажен в ряд с крестным моей жены. И так каждый гость в зависимости от своего «титула и ранга» сидел за столом строго на положенном ему месте, а не просто кто куда сядет. Важно отметить, что этот день начался с угощения блинами и блины все время были на столах в неиссякаемом количестве.

«Блины» имели свою особенность: каждый гость обязан был кушать блины и за каждый блин обязан был класть на стол подарки молодым. Первый блин со стола брал главный гость — это мой тесть. Он, когда взял блин, встал и объявил, что на блины привел корову — она и была первым подарком, а там брали блины моя теща, крестная моей невесты и т. д. Даже прибывшие посмотреть гуляние в блинный день и то не оставались без внимания: им подавались блины, а они обязаны были, съедая

блин, положить в подарок хотя бы две копейки. Громоздкие подарки, положенные на стол, моя жена сразу же убирала со стола, а вот деньги — те до конца пира продолжали оставаться на столе в отведенной под них большой тарелке.

Во время всего этого пира был такой обычай: кто-то из гостей, съедая блин, клал на тарелку рубль, пять или десять копеек, а тарелку с деньгами тащил к себе. На моей обязанности было, кроме угощения гостей, «не проморгать» тарелку, т. е. это утаскивание денег, и откупить их, кидая туда же, в блюдо, несколько копеек. На столах тогда стояло три тарелки, и вот, кроме угощения, нужно было еще и своевременно откупить деньги. Этот обычай был, видимо, экзаменом для меня, насколько я изворотлив и зорок.

Когда процедура угощения гостей за столом была закончена, молодые должны были «мести пол», обиходить комнату. Моя жена берет в руки веник, я обязан взять в руки ухват и ухватом выпружать под порог сено и сор, имеющиеся на полу. И опять этот обычай сопрягается со своими последствиями: на пол кидают и бьют какую угодно посуду, а то и просто любой находящийся в доме человек идет и весь мусор ногами раскидывает уже на очищенную площадку пола. И каждый, кто что-то бросил на пол и разбил или просто распинал сор, снова делает подарки вещами или деньгами как откуп за причиненные неприятности. Игра эта длится около двух часов. Меня и мою жену гости смогли уморить до пота. Однако эти «страдания» щедро окупились.

После того как мы с женою все же осилили пол в избе и вывели комнату, все гости, как приезжие, т. е. со стороны моей жены, так и наши, которые водили «беседы», поехали кататься. Гостей поехало кататься на девяти кошевах. Лошади были разукрашены лентами, а на шеях у них были галуны и колокольчики. Сбруя и кошевы были, безусловно, лучшие и приведенные в праздничное состояние. На лучшей паре лошадей и впереди всех мой крестный вез меня с молодой. Мы, как и все гости, были одеты в лучшие пальто, молодая держала в руках разукрашенный графин. Ленты и букеты были не только на гостях, но также прикреплены на дуги запряженных лошадей, они же были заплетены в гривы и хвосты лошадей.

Украшенный таким образом свадебный поезд, да еще в заключительный свадебный блинный день, вызывал большой интерес у населения — посмотреть его, а главное, с букетами и лентами повезут ли катать молодых? Это был публичный отчет для моей жены и всех ее гостей и, в первую очередь, для тестя и тещи. Но у нас было все хорошо, все в порядке. А бывало на свадьбах и так, что начинали свадьбу с украшениями ленточками и цветами, а в блинный день ехали кататься без всех этих украшений.

Дружка, отгуляв три дня на свадьбе, за передним столом, получил вознаграждение, и на этом его миссия была окончена.

Блинный день являлся последним днем гуляния дружки. В дни гуляния на свадьбе дружка был как страж и блюститель обычаев и порядков. Казалось бы, эти обязанности мог выполнить любой пожилый человек из среды родичей. А нет, это было далеко не так. Дружкою мог быть только человек, за которым сохранялась слава, что он обладает многими знаниями, которые далеко не доступны «простым смертным». В народе сохранялись десятки легенд, что если свадьба попадет хотя бы в один из таких переплетов, то может быть не только неприятность, а еще и хуже: получится не свадьба, а один скандал.

В гости «за первое воскресенье» и «за масляную». «За первое воскресенье» — это гуляние является дополнительной частью свадьбы. Мой тесть договаривается со своими родичами, когда пригласить гостей, как бы взаимобразно за угощения боярского дня. Хотя это и называется «за первое воскресенье», но это вовсе не обязательно, что сразу же после свадьбы проводить это гуляние. Бывало, что «за первое воскресенье» гуляли через 2—5 недель.

В указанный день родичи жениха надевают лучшие платья, пальто и прочее, а потом запрягают своих лошадей и собираются у «молодых», и все вместе идут в гости к тестю. Там их встречают бывшие провожатые, свахи и другие лица, участвовавшие в поезде свадьбы и гостившие в боярский день. Угощение было начато у тестя, а потом поехали к брату моей жены как ко крестному. Дальше к ее сестре-крестной и другим. Все угощения и процедуры такие же, как это было в боярский день.

Последнее гуляние — это «за масляную». Это гуляние было обязательным для нас, молодоженов, и моих родителей. Причем поездка в гости приурочивалась именно к масляной неделе. Положено было молодым кататься одним на лошади и сидеть рядышком. Молодой выполнял и обязанности кучера.

И еще не так обязательно, но справляли «супредки» и «беседки». Для формы женщины прядут в гостях 2—3 часа, а потом опять гуляние. И это у всех принимающих участие в свадебном поезде. Конечно, в разные дни.

Я описал свою свадьбу, которая называлась «по-хорошему», а вот были в то время и свадьбы другого порядка, например «убегом».

Свадьба «убегом». Это было тогда, когда за жениха сватают девушку, а ее родители отдать за него не хотят. В этом случае сватовщикам отказывают. А невесте хочется пойти замуж за этого жениха. Тогда невеста проявляет свое самоуправство — идет замуж «убегом», т. е. невесту, вернее, девушку с ее согласия крадучи уводят или увозят к жениху в дом. Там она и остается до самой свадьбы. Отец жениха или кто-то из близких родичей после увода невесты идут к отцу невесты и сообщают о случившемся, а одновременно и упрашивают как отца невесты, так и мать о том, что свадьба все равно будет, но чтобы они на это да-

ли согласие. Согласие родителей нужно для того, чтобы все приданое, приготовленное для дочери ко дню свадьбы, они бы отдали невесте. Иначе этой девушке не в чем будет и поехать в церковь к венцу. Не всегда уговаривали родителей с первого выхода. Иногда приходилось ходить два и больше раз, но, как правило, это заканчивалось тем, что родители, поставленные перед фактом свадьбы, соглашались. Уговаривающие в этом случае ставили на стол принесенную ими водку, которая и выпивалась обеими сторонами. Но, конечно, это происходило при отсутствии жениха и невесты, последние в это время были в доме родителей жениха. Получив согласие или прощение родителей невесты, как правило, для нее приносят подходящие платья и одежку, в которых бы можно было поехать в церковь в первое же воскресенье. К этому дню жених для невесты покупает цветы, и, кроме того, доводят до сведения священника и дьякона о предстоящей свадьбе. Дьякон в церкви после обедни зачитывает всем присутствующим «оглашение», что сын крестьянина такого-то и такой-то берет замуж девицу такую-то, дочь такого-то. Нет ли между ними родства? И если протестов нет, т. е. о родстве никто не заявил, то к венцу дорога открыта — можно венчать. При такой о свадьбе «убежом» у отца невесты никакого пира и гуляния нет до самой свадьбы.

В свадебный день жениха и невесту везут в церковь венчаться, а из церкви едут в дом жениха и там состоится первый пир — «стол». К столу приглашают родителей невесты, ее крестного и крестную и других близких родственников. Проведя первый пир, в зависимости от экономической мощности и желания сторон устраивают боярский день, а потом и блинный день. Гуляния и все процедуры на них те же, что и на свадьбе «по-хорошему», а стало быть, и все гости со стороны невесты также участвуют в этих пирах. Отгуляв у жениха все эти пиры (стол, боярский день, блинный день), гости разъезжаются восвояси. Но вот тесть и теща, принимавшие участие в этих пирах, приходят в дом молодых и приглашают всех: молодых, родителей жениха, крестного и крестную, да и других близких родичей — к себе в гости. Гулянка у родителей невесты будет иметь название «прощение». Когда все гости со стороны жениха приехали к родителям невесты, то церемония «прощения» начинается с того, что молодые ныпают в ноги отцу и матери невесты, просят прощения за самовольство невесты. Но это скорее форма, а не содержание, так как родители невесты и до этого фактически простили ее: отдали ей приданое да и участвовали в свадьбе. Просят прощения и отец и мать жениха у родителей невесты. И, конечно, все это прощается с выпивкой рюмки вина, а потом всех прибывших гостей усаживают за столы, и начинается пир «прощения». Отгуляв у родителей «день прощения», гости разъезжаются по домам, а потом через некоторое время со стороны тестя и тещи получают приглашение приехать в гости «за первое воскресенье». На этот

пир опять-таки едут молодые, родители жениха, крестный, крестная, братья и все те, кто гулял в боярский день у родичей жениха. И в этот день гуляние бывает в каждом доме у тех лиц, которые принимали участие в боярском дне. Опять-таки в зависимости от согласия сторон могут быть пиры «за масляную», «супредки» и т. д.

Публикацию подготовили
Л. Б. Кругляшов, В. П. Кругляшова.
